

ОГОНЁК

№ 2 ЯНВАРЬ 1991

**ВСЬ
МИР —
ТЕАТР**

ОГОНЁК

СИБИРЯК ИЗ

Эльдар РЯЗАНОВ

«ПАРИЖСКА»»

Эдуард ЗЕЛЕНИН.
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.

Я не искусствовед. Поэтому пусть простят меня специалисты за примитивность. Я делю живопись на две категории: на ту, которая нравится, и ту, которая оставляет равнодушным. Картины Эдуарда Зеленина относятся как раз к тем произведениям искусства, которые лично мне очень нравятся. Если вы меня спросите «почему?», отвечу прямолинейно и непрофессионально: потому что его картины радуют глаз. Потому что они нарядны. Потому что, глядя на них, хочется жить. Потому что они создают в душе праздник. Потому что в них буйство цвета и фантазии. Картины Зеленина необычны, карнавальные, элегантны и, черт побери, красивы, хотя я знаю, что употреблять это слово по отношению к живописи — дурной тон. И, наконец, у Зеленина есть свой стиль. А создать свой стиль в конце нашего века, когда до тебя трудились сотни тысяч художников, среди которых немало талантов, неимоверно сложно, попросту немислимо.

Глядя на зеленинские полотна, которые отмечены легкостью, в которых присутствует нечто бесечно-моцартовское, можно подумать, что он — художник солнечной судьбы. Но это — увы! — не так...

Родился Зеленин «во глубине сибирских руд», а именно в Новокузнецке. Там рос, ходил в обычную советскую школу. Его матушка водила по территории металлургического гиганта электровоз, который развозил из цеха в цех расплавленный металл. Так что классовое происхождение у будущего художника было лучше не придумаешь — наше, пролетарское. Эдик любил рисовать, и его отправили в Свердловск в художественную школу. Оттуда способный девятнадцатилетний юноша переехал в Ленинград и был принят в художественную школу при Академии художеств. Тут на паренка из провинции обрушились самые разнообразные

БОГОМАТЕРЬ.

художественные впечатления. Особенно сильно подействовали на него не очень-то знакомые прежде модернисты, сюрреалисты, абстракционисты и прочая проклятая нашим официальным искусством нечисть во главе с титаном — Сальвадором Дали. Ни к чему хорошему это привести не могло и кончилось действительно плачевно. Корифеи соцреализма вышибли Зеленина из училища. Так он и остался (может, к счастью!) недоучкой, человеком без образования, художником без диплома. Как пишут у нас в военных билетах — «рядовой, годный, необученный». Зеленин вернулся в родной Новокузнецк, там женился и продолжал малевать картины, которые не столько удивляли, сколько возмущали жителей его родного города.

Желая быть понятым, Зеленин совершал набеги в столичные города. Это было время, когда выставки устраивались в частных квартирах и в мастерских художников, в молодежных кафе и в научно-исследовательских институтах. Например, у Эдуарда, помимо участия в групповых экспозициях, было несколько персональных выставок: в Институте биофизики, в молодежном кафе «Синяя птица», в инженерно-строительном институте. Получить место в выставочном зале Союза художников для «леваков» было нереально. Совершались попытки зацепиться за Москву, но не удалось. Система избрала своеобразную форму крепостного права, закабаление строителей коммунизма — ПРОПИСКУ. Прописка приговаждала людей к месту жительства и позволяла органам и милиции следить за каждым. Эдик и Таня — так зовут его жену, — не одобряемые земляками, переехали поближе к Москве и снимали деревенскую избу недалеко от старинного города Владимира. Совершать на-

езды в Москву для участия в частных, полулегальных выставках стало легче. Во Владимире Зеленин приохотился к керамике и на это жил. Там его как керамиста приняли в местное отделение Союза художников. Однако Главные Художники Союза в Москве отказали Зеленину в членстве, не захотели иметь его своим коллегой. «Не притворяйтесь, будто вы — керамист, нам известно, что вы — подпольный живописец». Но ведь живописец, а не наркоман, грабитель или валютчик. Сейчас бы нашим военным и армейским такое же послушание и дисциплину, которыми славились некогда наши творческие союзы. Началось выживание с Родины. В 1975 году беспричинный и необъяснимый арест, советы «искусствоведов в штатском» покинуть страну, обещания помощи в деле отъезда.

И чистокровный русак Зеленин покидает Отечество по израильской визе. Он делает вид, что он еврей. Выпускающие органы делают вид, что верят этому.

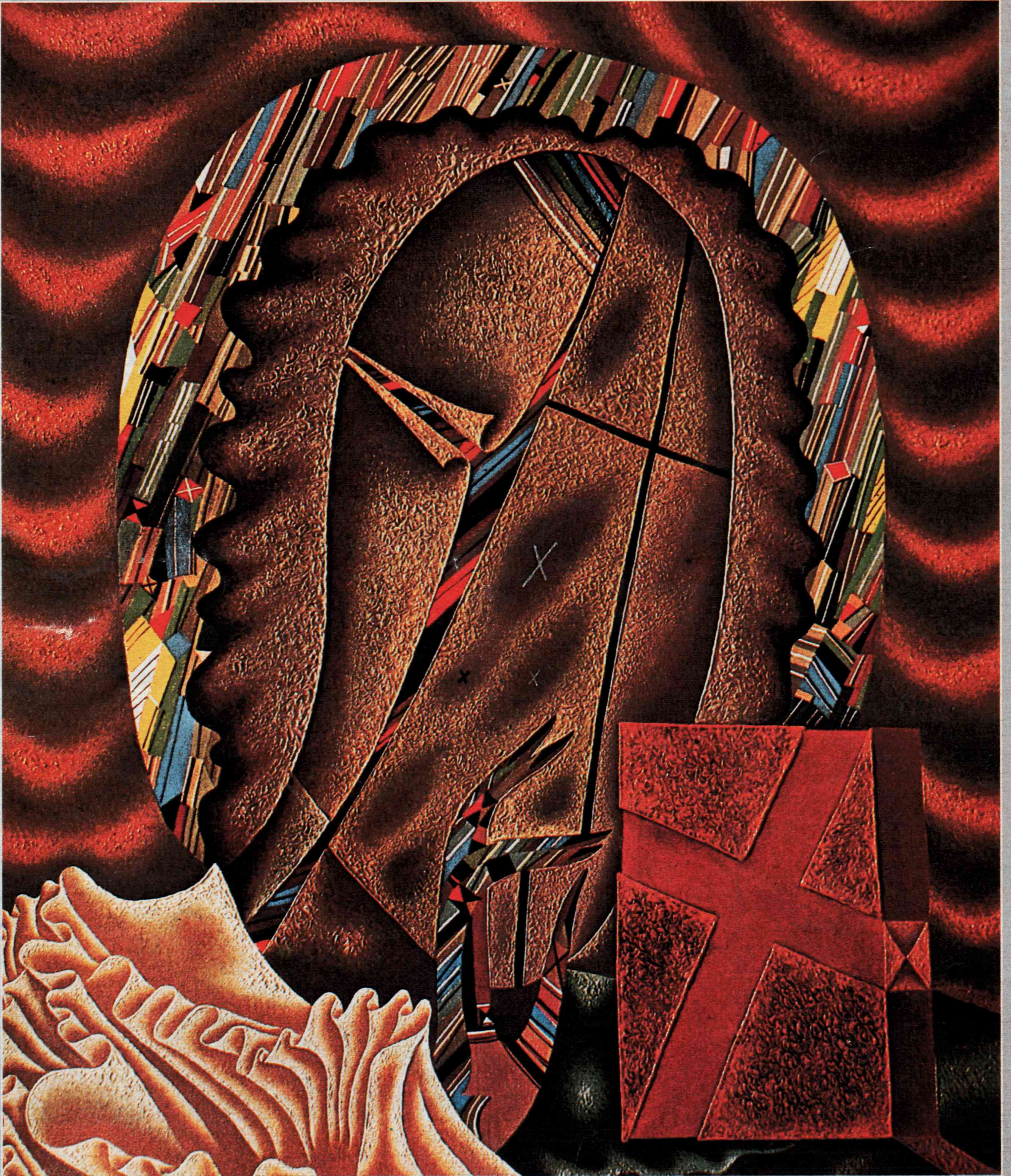
Предстояло вывезти за рубеж свои картины. Предварительно их надо было оценить и уплатить государству пошлину за собственную работу. О, наше умное государство! И тут создавалась парадоксальная ситуация. Собственно говоря, выдворяли Зеленина и таких же, как он, за то, что малюют ерунду, пачкают холсты — за мазню. Считалось, что подобные искусства не представляют никакой ценности, даже, наоборот, растлевают безупречный и здоровый народ. Однако оценщики картин были людьми опытными и толк в живописи знали. Интересы художников-эмигрантов (обалдеть можно!) состояли в том, чтобы их полотна были оценены как можно дешевле, тогда с них сдерут поменьше. Но у нас только идиот не воспользуется служебным положением. За то, чтобы назначить за вывозимые картины грошовую символическую

цену, то есть помочь нищим живописцам, искусствовед-оценщик брал с несчастных взятки их же картинами. Некоторые из оценщиков стали сейчас крупными коллекционерами, людьми почтенными и состоятельными.

...В Париже, недалеко от площади Республики, в одном доме живут три бывших советских художника — Олег Целков, Михаил Заборов, Эдуард Зеленин. Кто позажиточней, кто похуже, но каждый живет лучше, чем в России. У каждого из них персональные выставки, картины продаются, издаются каталоги. В Париже оказалось «прописаться» легче, чем в Москве. Но и в «Парижске» (так называл этот город Высоцкий), дом Зелениных — русский дом, пропитанный сибирским духом. А он и его жена Татьяна так и не смогли вразить во французскую землю. Как два русских самородка, существуют они в прекрасной, но чужеродной среде. И живут нашими интересами, болеют нашей болью за все то, что у нас происходит.

Произведений Зеленина нет в советских картинных галереях. Разве что после его прошлогоднего приезда — единственного за 15 лет, — после посещения Новокузнецка, где на этот раз земляки встретили его восторженно, может, в местном музее и висят его полотна, подаренные им родному городу. Было бы прекрасно, если Москва и Ленинград предоставили бы художнику свои залы для персональной выставки. Это было бы более чем справедливо. Это помогло бы зарубцеваться ранам художника, которого ни за что изгнали оттуда, где он родился и жил. А мы бы увидели прекрасные красочные полотна Зеленина, творческие истоки которого уходят в раннюю русскую живопись, в лубок, в иконы, в наш неповторимый фольклор. И мы тем самым хоть немного заглянули бы вину перед талантом, хоть частично сняли бы с себя грех, который лежит на каждом из нас.

МУЗА.

ТРОИЦА.